

**ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА, ИЛИ
ИНКЛЮЗИВНОЕ СТАРЕНИЕ:**

**FROM EXCLUSION TO INCLUSION IN OLD AGE: A
GLOBAL CHALLENGE / ED. BY N. SCHARF,
N.C. KEATING. BRISTOL, UK:
POLITY PRESS, 2012. — 192 p.**

Несмотря на значительный вклад российских исследователей в изучение пожилого возраста, нельзя сказать, что Россия задает тон в теоретических и эмпирических подходах к осмыслению старения. Немногочисленные монографии о природе старшего возраста, написанные отечественными авторами скорее отражают перспективу полувековой давности, в которой пожилому человеку отводилась лишь роль объекта социальных манипуляций. Его надо защищать, оберегать, опекать. Помощь, поддержка и защита — вот триада благих деяний, конструирующих беспомощного, недееспособного недогражданина. Вместе с тем либеральный поворот в социальной политике ведущих мировых держав вывел на повестку дня новые (для модернизированного западного общества) мировоззренческие конструкты.

Так, проанализировав сотни исследований и аналитических текстов, посвященных старению, автор книги “Old age” Дж. Винсент обозначил ключевую дихотомию, определяющую положение людей старшего возраста, как либерализацию от старения и либерализацию старения¹. В первом варианте возникают практики избегания старости, люди всячески стараются сократить период старения, игнорируя изменения в организме, восприятии мира и социальных отношений или пренебрегая ими. Во-втором — находятся внутренние ресурсы в самом старении, рассматриваемом как новая возможность, как особый, пусть и завершающий этап жизни, без которого последняя потеряла бы смысл. Основной чертой современных представлений о пожилом возрасте, Дж. Винсент называет главенство медицинской интерпретаций. Пожилой возраст рассматривается как период болезни и приближающейся смерти. Потеря трудоспособности и постепенное ухудшение здоровья, вплоть до полной беспомощности, может вызывать лишь чувство страха и отчаяния. В такой мировоззренческой позиции нет ни будущего, ни настоящего. Либерализация старения — ответ на складывающиеся демографические тенденции. Следует не бежать от старости, а искать в ней смысл, исключительные возможности и перспективы. В первую очередь это освобождение старшего возраста от накопленных стереотипов; отказ от тотальной техногенной

¹ См.: Vincent J. Old age. London: Routledge, 2003.

перспективы, опирающейся на медицинские диагнозы; открытие новых идентичностей, основанных на прожитых годах, опыте, недоступном в более раннем возрасте. Иными словами, старший возраст по Дж. Винсенту, как и любой другой, — это период неограниченных возможностей, основным барьером для реализации которых выступают укорененные в обществе стереотипы, а не естественные и неизбежные физиологические признаки старшего возраста.

Разделяя концепцию либерализации старения, авторы рецензируемого сборника утверждают, что старший возраст несет в себе не только утраты и лишения, но и опыт, устойчивость и рассудительность, не присущие молодости. Объективное ухудшение здоровья часто усугубляется субъективным конструированием немощи, а сокращение круга общения — искусственным исключением из социальных отношений. Активная старость — политический конструкт, не вызывающий удивления или отторжения в российском общественном мнении. Однако его теоретическое осмысление еще чуждо и непонятно для многих отечественных интеллектуалов, тем более государственных служащих. Чудовищный для обывденного слуха термин «период дожития»² занял прочное место в тезаурусе социальных программ, в которых старший возраст ассоциируется лишь с упадком и недееспособностью. Освобождению от подобных предрассудков и социальных стигматов посвящена рецензируемая книга, которая пока не имеет аналогов на русском языке.

Теоретическая дихотомия эксклюзии и инклюзии старшего возраста — центральная для концептуального осмысления либерализации старения. Сборник состоит из десяти статей, в которых рассматриваются как основные факторы, ограничивающие социальную активность пожилых людей, так и особенности построения для них инклюзивной среды. Экономические и демографические трансформации, глобализация социальных обменов, миграционные процессы, изменение института семьи, организация новых, мобильных социальных сред и актуализация прав человека как обновленной повестки развитых стран — все это непосредственным образом сказывается на конституировании образа и роли старшего поколения. От 1960-х гг., периода введения в научный оборот эксклюзивно-инклюзивного противопоставления, 1980-х гг., периода экономической нестабильности и акцента на эксклюзивных практиках, настоящее время (с 2000-х гг.), по мнению авторов сборника, отличается акцентом на построении

² «Период (время, срок) дожития», или ожидаемый период выплат, — это количество лет, которые гражданин России предположительно должен прожить после выхода на пенсию. Сейчас этот срок составляет 19 лет. Понятие введено для расчета выплат из накопительных пенсионных фондов. — *Прим. ред.*

национальных программ по старению, политической актуализации вопросов включения старшего поколения в экономическую, социальную и культурную среды. Хотя социальная эксклюзия сильно детерминирована наличием экономических кризисов и потрясений, она не может быть редуцирована к вопросам пенсионирования и материального обеспечения вступивших в преклонный возраст граждан. Другими словами, экономическое положение людей старшего возраста, традиционно обсуждаемое в российской прессе, не может рассматриваться в качестве необходимого и достаточного условия для благополучной старости, активного долголетия.

Статья Ашгара Заиди об исключении старшего возраста из материальных обменов дополняется работами, в которых актуализируются социальные детерминанты. Джим Огг и Силви Рено анализируют исключенность пожилых из родственных отношений, ограничение и сведение до минимума общения с выросшими детьми, потерю внимания со стороны родственников. Дэвид Филипс и Кевин Ченг в центр внимания ставят трансформацию системы ценностей и мировоззренческих позиций, определяющих отношение к старшему возрасту в современном обществе, включая представления пожилых об их месте и роли в социальных отношениях. Астрид Стакелбергер, Доминик Абрамс и Филипп Частоней рассматривают возрастную дискриминацию как источник эксклюзивных практик, делая акцент на политических решениях по защите прав пожилых людей.

Переосмысление инклюзивных стратегий связывается в сборнике с перспективой множественных решений, центральной фигурой для принятия которых становится сам пожилой человек. Освобождение от диктата политической воли, экономического детерминизма и медицинской стигматике — триада либерального подхода, уже ставшего основным трендом в развитии социальной политики ведущих мировых держав на ближайшее десятилетие.

Д.М. Rogozin,
кандидат социологических наук,
Центр методологии федеративных исследований
РАНХиГС при Президенте РФ